

ISSN 2307-4671

Журнал основан в 2007 г.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ  
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЛАБОРАТОРИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ  
И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

АЗИАТСКИЙ ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ЭТНОЛОГИИ  
И МЕЖДУНАРОДНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

**МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ  
ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ  
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**

*ВЫПУСК IX*



Барнаул

---

Издательство Алтайского  
государственного университета

2016

Главный редактор:

**П.К. Дашковский**, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционная коллегия:

**А.П. Забияко**, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

**А.К. Погасий**, доктор философских наук (Россия, Казань)

**Т.Д. Скрынникова**, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

**О.М. Хомушку**, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

**Е.А. Шершинева** (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет журнала:

Л.Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Л.С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

С.А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

К.А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

Г.Г. Пиков, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

Л.И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А.С. Жанбасинова, доктор исторических наук (Казахстан, Усть-Каменогорск)

С.Д. Атдаев, кандидат исторических наук (Туркменистан, Ашхабад)

О.Ч. Касимов, доктор филологических наук (Таджикистан, Душанбе)

Н.И. Осмонова, кандидат философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Н. Цэдэв, доктор педагогики (Ph.D) (Монголия, Улан-Батор)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Ph.D) (Болгария, София)

*Журнал утвержден Научно-техническим советом  
Алтайского государственного университета*

**Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе** / под ред. П.К. Дашковско-го. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. – Вып. IX. – 280 с.: ил.

ISSN 2307-4671

Представлены результаты изучения различных мировоззренческих систем народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в древности, эпоху средневековья и в период этнографической современности. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов современных традиционных обществ, новым религиозным движениям, а также особенностям государственно-конфессиональной политики.

Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей религий и культуры народов Азии.

*Подготовлено и издано при частичной финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект №16-21-03001 «Историко-этнографическое изучение развития религиозного ландшафта в трансграничном пространстве Южной Сибири и Монголии»)*

© Оформление. Изд-во Алтайского  
государственного университета, 2016

ISSN 2307-4671  
The journal was Founded in 2007

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE  
OF THE RUSSIAN FEDERATION  
ALTAI STATE UNIVERSITY  
LABORATORY OF THE ETHNOCULTURAL  
AND RELIGION SCIENCE RESEARCH  
ASIAN EXPERT-ANALYTICAL CENTER OF ETHNOLOGY  
AND INTERNATIONAL EDUCATIONAL COOPERATION

**THE WORLDVIEW OF THE POPULATION  
OF THE SOUTH SIBERIA AND CENTRAL ASIA  
IN THE HISTORICAL RETROSPECTION**

*IX ISSUE*

Barnaul – 2016

Executive editor:  
**P.K. Dashkovskiy** (doctor of Historical sciences)

The editorial Board:  
**A.P. Zabiylko**, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)  
**A.K. Pogassiy**, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)  
**T.D. Skrynnikova**, doctor of historical sciences (Russia, Saint-Petersburg)  
**O.M. Homushku**, doctor of philosophy (Russia, Kyzyl)  
**E.A. Shershneva** (resp. secretary), candidate of historical sciences  
(Russia, Barnaul)

The journal editorial Board:  
L.N. Yarmolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)  
L.S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)  
S.A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)  
K.A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)  
G.G. Pikov, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)  
L.I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)  
A.S. Zhanbosynov, doctor of historical sciences (Kazakhstan,  
Ust-Kamenogorsk)  
D.S. Ataev, candidate of historical sciences (Turkmenistan, Ashgabat)  
O.Ch. Kasimov, doctor of philological sciences (Dushanbe, Tajikistan)  
N.I. Osmonova, candidate of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)  
N. Cedev, doctor of pedagogical sciences (PH.D) (Mongolia, Ulaanbaatar)  
Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (PH.D) (Bolgariy, Sofiy)

*The journal is approved by the Scientific and technical council  
of Altai state University*

**The worldview of the population of the South Siberia and Central Asia in the historical retrospection** / Ex. editor P.K. Dashkovski. – Barnaul, 2016. – IX issue. – 280 p.

In the collection of the papers the results of the research of the various world view system of the people lived on the territory of the South Siberia and Central Asia in ancient times, in the epoch of the Middle age and in the period of the ethnographical present. Series of works are devoted to the research of the religious beliefs and rituals of the modern and traditional societies, new religious movements as well as the features of the state-confessional relations.

The book is directed towards the specialists of the religious study, historians, archaeologists, ethnographers, specialists on the cultural studies and everyone who are interested in the history of religions and culture of the people of Asia.

## СОДЕРЖАНИЕ

### Раздел I. РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

<i>Сериков Ю.Б.</i> Сакральный аспект кладов каменных изделий на территории Урала .....	7
<i>Ковалевский С.А.</i> О верованиях и обрядах ирменского населения .....	30
<i>Дашковский П.К.</i> Могильник пазырыкской культуры Ханкаринский дол на Алтае: характеристика погребального обряда и основные направления междисциплинарных исследований.....	42
<i>Серегин Н.Н.</i> Погребальный ритуал раннесредневековых тюрок Монголии .....	66
<i>Кожя М.Б.</i> Огузские поминальные храмы.....	85
<i>Илюшин А.М., Онищенко С.С.</i> Кипчакские обереги по результатам раскопок средневековых жилищ на Торопово-7.....	101
<i>Рыбаков Н.И.</i> Петроглифы горы Чуртаг и ее окрестностей .....	108

### Раздел II. ТРАДИЦИОННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Атдаев С.Д.</i> Экологические аспекты туркменской охоты.....	122
<i>Бурнаков В.А.</i> <i>Ызых т төс'ы</i> – ‘Священные фетиши’ в культовой практике хакасов (конец XIX – середина XX в.).....	128
<i>Головизнин М.В.</i> Сибирское храмовое барокко в европейском Предуралье: случайность или обратное движение культурной волны с Востока на Запад .....	141
<i>Нуржанов А.А.</i> Истоки праздника Навруз .....	170

### Раздел III. ПОЛОЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИН И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ И СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Билотас В.</i> Католики Южной Сибири и Центральной Азии: места проживания и численность согласно церковным регистрам второй половины XIX в.....	182
<i>Волоснов Р.Ю.</i> Политика духовных властей Томской епархии по активизации открытия и дальнейшего развития начальных	

церковных школ в сельской местности в конце XIX – начале XX в. ....	192
<i>Кацаева М.В.</i> Иудейские общины Юго-Западной Сибири в начале XXI в. ....	200
<i>Марсадолова Т.Л.</i> И.М. Сибиряков: от Сибири до Афона.....	208
<i>Почекаев Р.Ю.</i> «Заповедные места» в среднеазиатских ханствах по сведениям русских и путешественников XIX в.....	222
<i>Султанов Т.И.</i> Новый этап имперского политогенеза в Центральной Азии и его кризис (XIII–XVIII вв.) .....	233

#### **Раздел IV. РЕЦЕНЗИИ. КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ**

<i>Дашковский П.К.</i> Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: концепция книги ...	254
<i>Погасий А.К.</i> Кому и как не нужно писать книги по религиоведению (рецензия на учебное пособие «Основы конфессиональных знаний».....	265
<b>Список сокращений</b> .....	271
<b>Сведения об авторах</b> .....	273

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Результаты радиоуглеродного датирования памятников пазырыкской культуры Ханкаринский дол и Яломан-III // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб., 2007. С. 291–299.

Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000. 320 с.

Хаврин С.В. Металл некоторых памятников Тувы в контексте металлургии Саяно-Алтая скифского времени // Семенов В.А. Суглуг-Хем и Хайы-ракан – могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб., 2003. С. 211–213.

Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник. Новосибирск, 1984. 99 с.

Худяков Ю.С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 136–162.

Чугунов К.В. Оленные камни и стелы в контексте элитных комплексов Саяно-Алтая // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул, 2007. С. 109–113.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул, 2003. 204 с.

Н.Н. Серегин

*Алтайский государственный университет, Барнаул*

## **ПОГРЕБАЛЬНЫЙ РИТУАЛ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРКОВ МОНГОЛИИ\***

Представлены итоги изучения особенностей погребального ритуала, зафиксированных в ходе исследований погребальных комплексов раннесредневековых тюрок на территории Монголии. Учтены материалы раскопок более 30 объектов, демонстрирующих различные традиции обрядовой практики кочевников региона во второй половине I тыс. н.э. Выделены две основные группы памятников – погребения с лошадьё и «одиочные» захоронения. Кроме того, отдельно рассмотрены погре-

---

\* Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», проект №2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»; а также в рамках базовой части государственного задания Алтайского государственного университета «Использование естественно-научных методов в реконструкции историко-культурных процессов на Алтае в древности» (код проекта 1006).

бально-поминальные комплексы – «ритуальные» курганы и кенотафы. Отмеченное сосуществование нескольких устойчивых традиций обрядовой практики, безусловно, не является случайным. Отмеченное сочетание показателей находит аналогии в материалах раскопок тюркских погребений на территории Алтае-Саянского региона. На наш взгляд, распространение нескольких традиций, выявленных среди погребений с лошадьё, а также «одиночных» захоронений, демонстрирует неоднородность раннесредневекового населения Монголии. Не исключено, что археологические материалы отражают существование нескольких групп в составе культуры раннесредневековых тюрков, обусловленных сложными процессами формирования и развития данной общности.

***Ключевые слова:** раннее средневековье, тюркская культура, Монголия, погребальный ритуал, традиции обрядовой практики.*

*Введение.* Основным источником для реконструкции различных аспектов истории раннесредневековых тюрков Центральной Азии остаются результаты раскопок погребальных комплексов. Анализ таких памятников позволяет рассматривать ключевые вопросы формирования и развития культуры кочевников, особенности их социальной и политической организации, специфику мировоззренческих представлений. На сегодняшний день довольно подробно исследованы погребальные комплексы раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона (Худяков Ю.С., 2004; Кубарев Г.В., 2005; Древние тюрки..., 2013; Серегин Н.Н., 2013б). Обобщены также материалы раскопок объектов второй половины I тыс. н.э. на территории Кыргызстана (Москалев М.Н., Табалдиев К.Ш., Митько О.А., 1996; Табалдиев К.Ш., 1996; Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., 2009). На этом фоне заметна низкая степень изученности погребальных комплексов тюрков Монголии (Серегин Н.Н., 2014). Между тем памятники данной территории имеют определяющее значение для решения целого ряда дискуссионных проблем истории кочевников и требуют особого внимания.

В настоящей статье представлены особенности погребального ритуала раннесредневековых тюрков Монголии. Особенности этого компонента обрядовой практики продемонстрированы на материалах раскопок более 30 объектов, изученных в разных частях страны. Наиболее продуктивным подходом при исследовании погребальных памятников Монголии является их сравнение с гораздо более многочисленными раннесредневековыми объектами Алтае-Саянского региона, а также комплексами, раскопанными на сопредельных территориях. Это позволяет не только осуществить более точную хронологическую и культурную атрибуцию анализируемых материалов, но также спо-



способствует определению их места среди тюркских «древностей» центрально-азиатского региона.

*Основные направления изучения погребального ритуала раннесредневековых тюрков.* Погребальный ритуал традиционно рассматривается как один из наиболее важных элементов обрядовой практики древних и средневековых обществ. Консервативный характер таких показателей, как способ захоронения (ингумация, кремация и др.), ориентировка умершего человека в определенный сектор горизонта, обычай помещения рядом с погребенным животного и т.д., определяет их особое значение для исследования мировоззренческих представлений конкретных социумов, а также выделения признаков, отличавших отдельные этнокультурные группы.

Основными показателями погребального ритуала раннесредневековых тюрков являются положение и ориентировка умершего человека, а также эти же характеристики для захоронения животного, нередко сопровождавшего человека. Различия в обозначенных признаках объясняются многими факторами, важнейшим из которых является комплекс мировоззренческих представлений. Обобщение результатов работ в широком хронологическом и территориальном диапазоне позволило А.В. Подосинову (1999) продемонстрировать перспективность исследований в указанном направлении. При этом очевидно, что объективно изучить тенденции в ориентировке и положении погребенных можно лишь при условии всестороннего исследования конкретных общностей.

При рассмотрении материалов раскопок археологических комплексов раннесредневековых тюрков в различных частях центрально-азиатского региона исследователи нередко обращали внимание на определенные закономерности в ориентировке объектов или их отдельных элементов в пространстве. Некоторые наблюдения были сделаны при изучении «поминальных» объектов – оградок, изваяний, балбалов и мемориалов элиты (Гумилев Л.Н., 1959; Евтюхова Л.А., 1952; Грач А.Д., 1961; Кубарев В.Д., 1984; Ермоленко Л.Н., 1991; Войтов В.Е., 1996; Дубровский Д.В., 2005; и др.). Не меньший интерес вызывали особенности представлений тюрков о сторонах света, отраженные в погребальном обряде. Вопрос об ориентировке умерших рассматривался в нескольких аспектах. В первую очередь, предпринимались попытки интерпретации направленности погребенного в определенный сектор горизонта. В большинстве случаев исследователи ограничивались констатацией почитания раннесредневековыми кочевниками стороны восхода солнца, опираясь, главным образом, на

информацию, имеющуюся в письменных источниках. В то же время предлагались и оригинальные концепции. Развернутое объяснение ситуации, которая зафиксирована при изучении значительного количества погребальных памятников раннесредневековых тюрков, представила Б.Б. Овчинникова (1983, с. 62–63; 1984, с. 217–218). По ее мнению, в погребальной практике кочевников получили отражение не только культ восходящего солнца, но и представление о том, что страна мертвых находится на западе. Поэтому покойник должен быть обращен головой на восток, а лицом – в иной мир, что подтверждает и преобладающее направление лошади в сторону захода солнца. Данный тезис получил развитие в работе С.П. Нестерова (1990, с. 51–85). Особое внимание исследователь обратил на определение роли лошади в погребальной практике тюркских племен, подчеркнув транспортную функцию животного при переходе в иной мир.

Вопрос о традициях в ориентировке погребенных в курганах тюрков приобрел особое значение в связи с проблемой датировки комплексов, а также выделением хронологических этапов развития культуры раннесредневековых кочевников. Мнение о наличии связи между временем погребения и рассматриваемым показателем обряда высказал О. Прицак, отметивший, что ранние тюрки имели северную ориентировку, позже смененную ими на восточную (Подосинов А.В., 1999, с. 423–424). В дальнейшем вопрос о возможности корреляции ориентировки погребенных с общей датировкой памятника решался, главным образом, на материалах тюркской культуры, полученных с территории Тувы (Грач А.Д., 1966; Кызласов Л.Р., 1969). Учитывали определенную зависимость ориентировки погребения и его хронологической позиции Д.Г. Савинов (2005, с. 226) и В.А. Могильников (1981, с. 34). Другие же специалисты, предлагая свои варианты периодизационной схемы, отметили отсутствие прямой зависимости между сектором горизонта, в который направлены погребенные, и этапом развития тюркской культуры (Гаврилова А.А., 1965, с. 65; Вайнштейн С.И., 1966, с. 76–79). Не согласен с самой возможностью резкого изменения традиций в реализации рассматриваемого элемента погребального ритуала А.В. Подосинов (1999, с. 424), отметивший глубокую связь ориентационных признаков с особенностями мировоззренческих представлений древнего общества.

Исследование материалов раскопок погребальных комплексов раннесредневековых тюрков Центральной Азии позволяет выделить два основных варианта погребального ритуала (Серегин Н.Н., 2010б). Первый, наиболее распространенный, представлен захоронениями

человека в сопровождении лошади. Ко второму варианту отнесены «одиочные» погребения (без сопроводительного захоронения животного). Совокупность показателей погребального ритуала раннесредневековых тюрков Монголии рассмотрена далее с учетом выделения этих двух групп памятников.

*Погребения с лошадью.* Погребения по обряду ингумации в сопровождении лошади являются одним из отличительных показателей обрядовой практики раннесредневековых тюрков. К настоящему времени на территории Монголии известно 18 таких комплексов. В большей части могил находилось одно животное (11 объектов, 61%) (рис. 1). В остальных погребениях (7 захоронений, 39%) рядом с умершим обнаружены две лошади (рис. 2).

Почти во всех могилах покойный был уложен в вытянутом положении на спине. Отклонения от этого стандарта, характерного для абсолютного большинства захоронений раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии, носят единичный характер. Согласно замечанию авторов раскопок погребения, исследованного на некрополе Овор-Хавцал, умерший человек лежал в вытянутом положении на животе (Эрдэнэболд Л., Одбаатар Ц., Анхбаяр Б., 2010, т. 125–126) (рис. 1)\*. Интересно, что такое же положение отмечено при исследовании двух могил кургана №3 комплекса Джаргаланты (Евтюхова Л.А., 1957, с. 216–217), предположительно датированных ранним средневековьем. Еще одна нетипичная ситуация зафиксирована в ходе раскопок впускного захоронения на памятнике Бурхан-толгой. По информации авторов исследований, умерший человек был помещен в могилу стоя (Турбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У., 2003, т. 107–108). К сожалению, в данном случае текстовое описание не сопровождается подтверждающими эту редкую ситуацию иллюстрациями.

Положение лошади, находившейся в могиле рядом с умершим человеком, также весьма унифицировано. Судя по имеющимся данным, в большинстве погребений раннесредневековых тюрков Монголии животное было уложено на животе с подогнутыми ногами.

---

\* Представленная в статье иллюстрация (Эрдэнэболд Л., Одбаатар Ц., Анхбаяр Б., 2010, з. 3) не подтверждает данное описание. Это может быть связано как с качеством рисунка, так и с неточностью, допущенной при подготовке публикации. Благодарим за консультацию по этому вопросу антрополога, к.и.н. С.С. Тур.

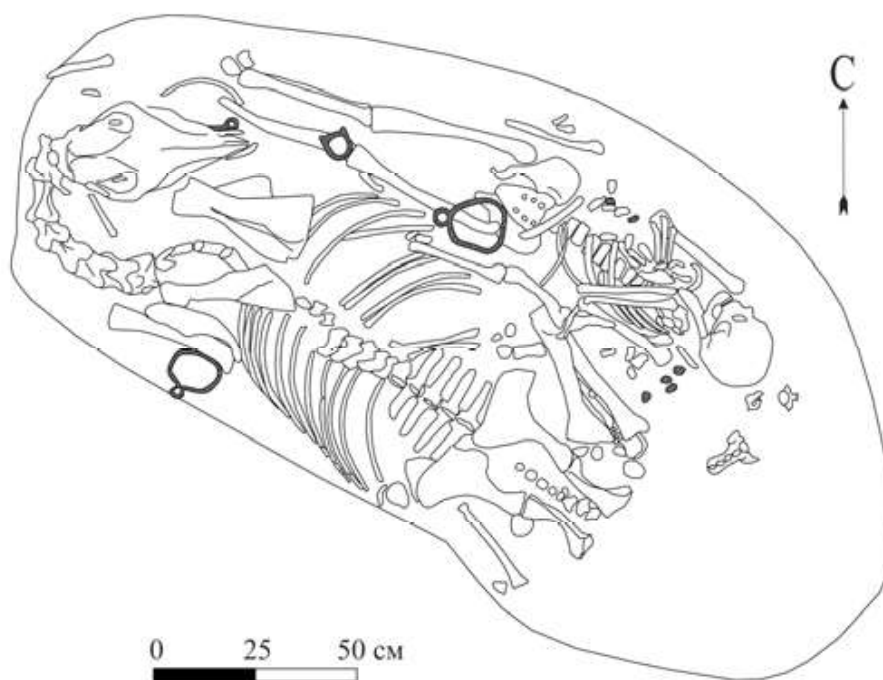


Рис. 1. Овор Хавцал, курган №1  
(по: Эрдэнэболд Л., Одбаатар Ц., Анхбаяр Б., 2010, з. 3).

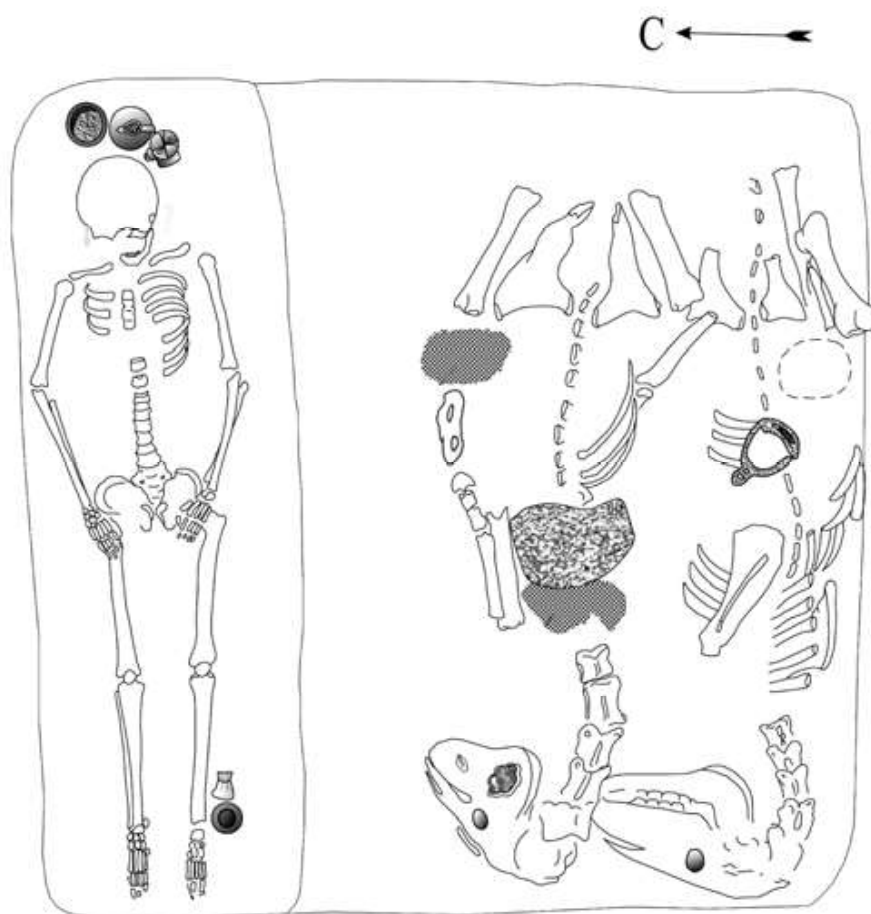


Рис. 2. Джаргаланты, курган №2 (по: Евтюхова Л.А., 1957, рис. 2)

Более вариабельным показателем погребального ритуала ранне-средневековых тюрков Монголии является ориентировка умерших людей по сторонам света. В известных захоронениях с лошадьё количественно преобладает традиция направления погребенных головой в восточный сектор горизонта (61%). При этом выделяется группа объектов, при изучении которых отмечена меридиональная, в большинстве случаев северная, ориентировка людей (28%)\*. Интересно отметить, что почти идентичное соотношение данных показателей зафиксировано в ходе анализа материалов раскопок некрополей раннесредневековых тюрков на территории Алтая и Тувы (Серегин Н.Н., 2010б).

Важной характеристикой обрядовой практики раннесредневековых тюрков являлось взаимное расположение в могиле умершего человека и находившейся рядом лошади. Для большинства известных раннесредневековых комплексов Монголии характерна противоположная ориентировка человека и животного – 12 объектов (67%) (рис. 3). Значительное реже зафиксировано направление покойного и лошади в одну сторону (17%) (рис. 4).

Общее сопоставление рассмотренных показателей позволяет выделить среди тюркских захоронений с лошадьё, раскопанных на территории Монголии, две группы объектов. Первая группа характеризуется устойчивым сочетанием следующих показателей: ориентировка человека в восточный сектор горизонта, направление лошади в противоположную сторону и расположение животного (животных) слева от умершего. Комплекс этих признаков зафиксирован при исследовании девяти захоронений раннесредневековых тюрков (50%) (Боровка Г.И., 1927; Евтюхова Л.А., 1957; Erdelyi I., Dorjsuren C., Navan D., 1967; Турбат Ц., 1998, 2014, рис. 1–5; Турбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У., 2003, т. 108–109; Кубарев Г.В. и др., 2007; Эрдэнэболд Л., Одбаатар Ц., Анхбаяр Б., 2010; и др.) (рис. 1–2, 5). Обозначенные показатели могут рассматриваться как некий «стандарт» погребального ритуала, характерный для большинства захоронений раннесредневековых тюрков, раскопанных в разных частях центральноазиатского региона (Серегин Н.Н., 2010б)\*\*.

---

\* Еще в двух случаях (11%) ориентировка умерших людей не установлена.

\*\* Исключение составляют погребальные комплексы, исследованные на территории Минусинской котловины. Данные памятники могут рассматриваться в рамках особого локального варианта культуры раннесредневековых тюрков (Худяков Ю.С., 2004; Серегин Н.Н., 2013б).

ских захоронений Монголии (Сэр-Оджав Н., 1970, т. 24–25; Наван Д., Сумьябаатар Б., 1987; Турбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У., 2003, т. 108, 271; Эрдэнэбаатар Д., Турбат Ц., Худяков Ю.С., 2004; Гунчин-сурэн Б. и др., 2005; Олзийбаяр С., 2007; Цэвендорж Д. и др., 2008, с. 175–176) характеризуется меридиональной ориентировкой человека и животного, причем лошадь зачастую расположена справа от умершего (28% объектов) (рис. 4).

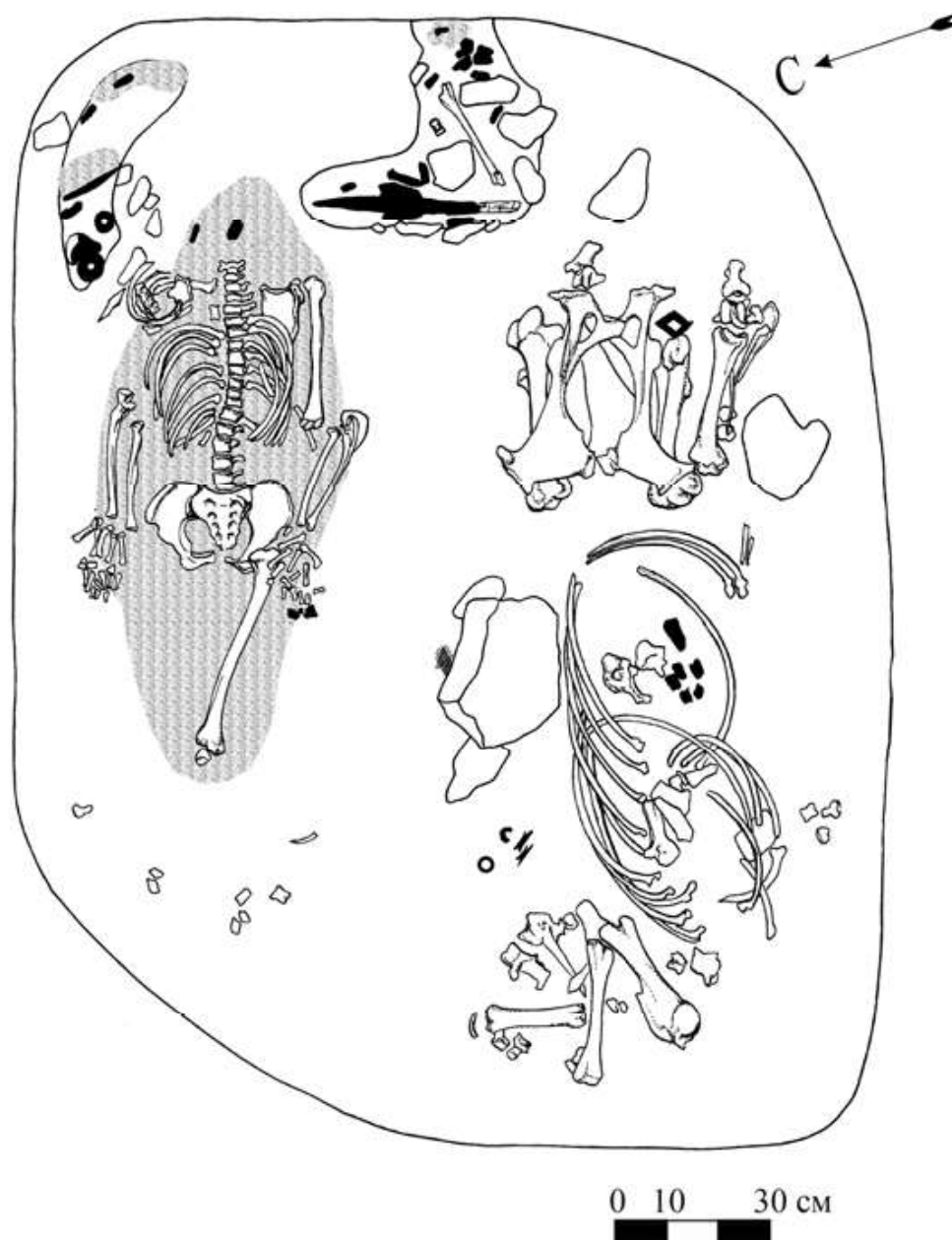


Рис. 3. Хар-Ямаатын-Гол, курган №8  
(по: Цэвендорж Д. и др., 2008, з. 3).

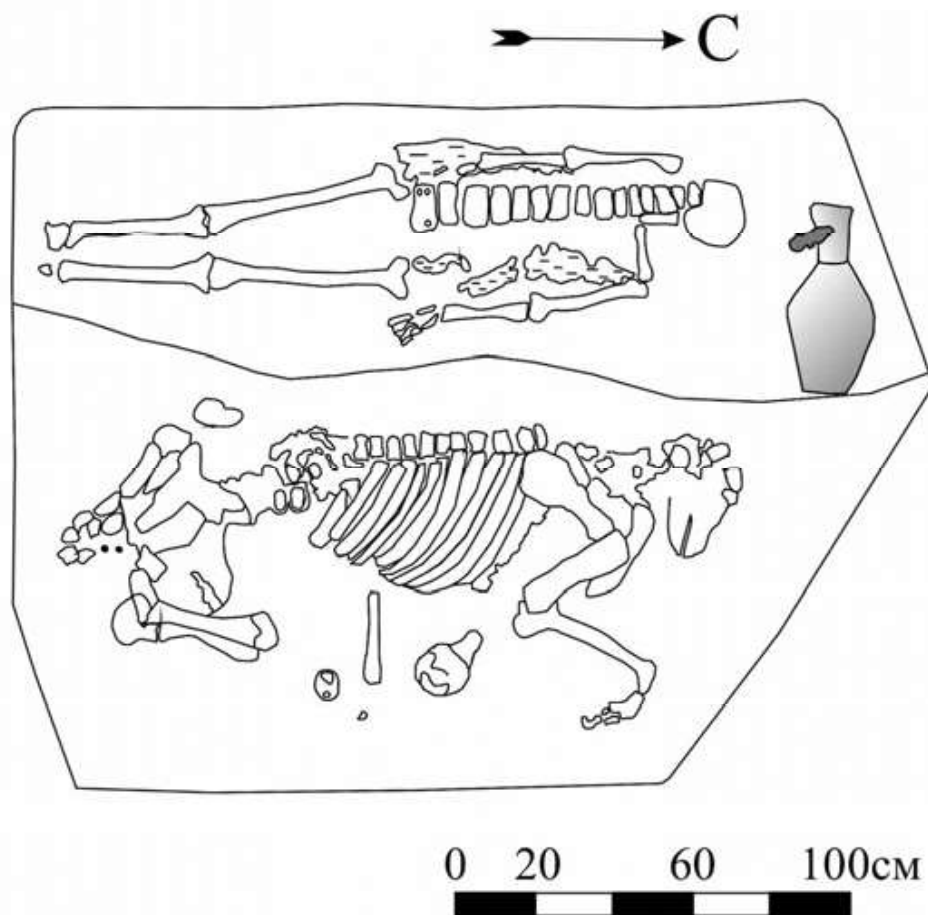


Рис. 4. Угемур, курган №2 (по: Олзийбаяр С., 2007, з. 3).

Помимо погребений с устойчивыми характеристиками обрядовой практики, на территории Монголии известен ряд специфичных объектов раннего средневековья, которые могут быть отнесены к культуре тюрков. Своеобразная ситуация зафиксирована в ходе исследований на памятнике Загал. Судя по описанию авторов публикации (Худяков Ю.С., Лхагвасурэн Х., 2002, с. 96), в центре могилы находился умерший человек, а с обеих сторон от него располагались лошади, ориентированные в разные стороны – по направлению к ногам и к голове покойного. Близкие аналогии данному погребению зафиксированы на памятниках раннесредневековых тюрков Алтая (Гаврилова А.А., 1965, табл. XXIII; Соловьев А.И., 1999, с. 24, рис. 4.-2). При исследовании нескольких тюркских погребений отмечено отсутствие черепов у умерших людей и захороненных рядом животных (Боровка Г.И., 1927; Худяков Ю.С., Турбат Ц., 1999; Турбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У., 2003, т. 109–110, 274; Кубарев Г.В. и др., 2007) (рис. 3, 5–6). Вероятно, в большинстве случаев это обусловлено ограблением или осквернением могил.

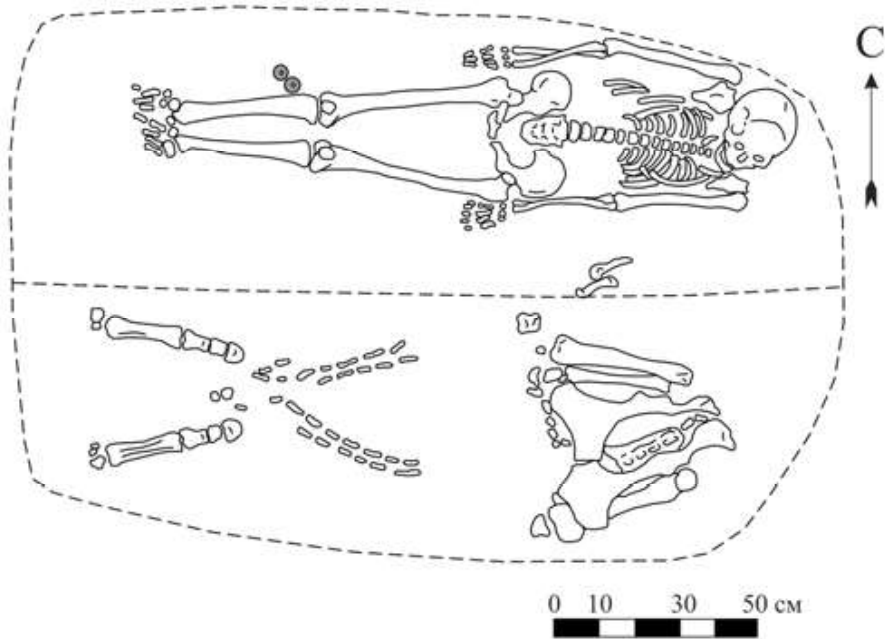


Рис. 5. Элст Хутул, курган №5 (по: Худяков Ю.С., Турбат Ц., 1999, рис. 3)

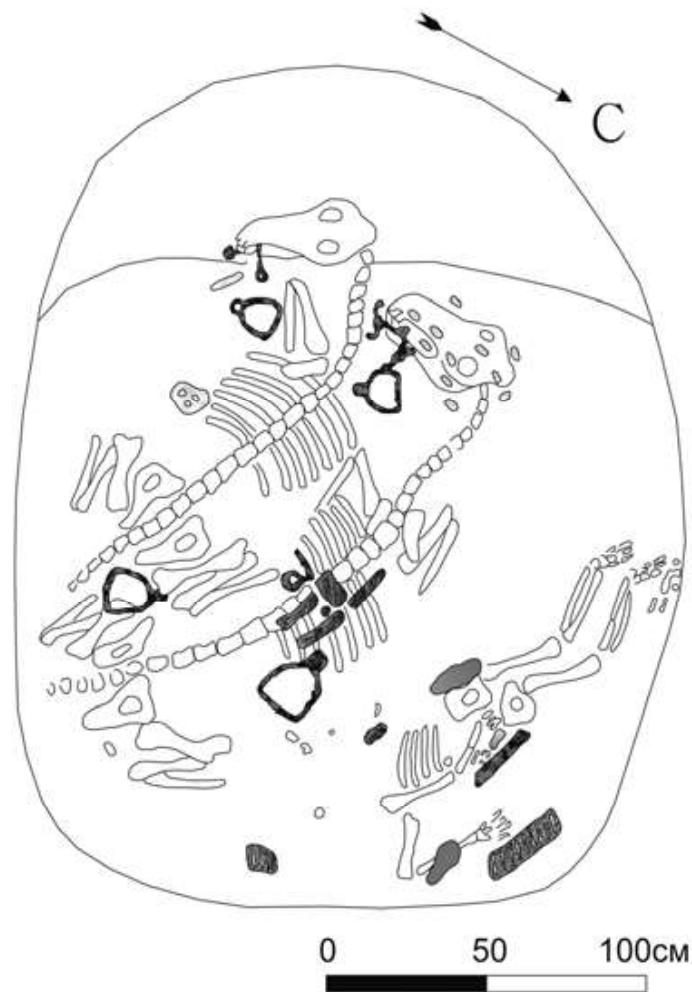


Рис. 6. Наинтэ-Суме (по: Боровка Г.И., 1927, рис. 6)



«Одиночные» погребения. Особую группу памятников ранне-средневековых тюрков Монголии составляют «одиночные» погребения. Их отличительной особенностью является отсутствие сопроводительного захоронения лошади, традиционно рассматриваемого как характерный признак обряда кочевников обозначенной общности (Серегин Н.Н., 2013а). На территории Монголии такие объекты раскопаны на комплексах Арцат Дэл, Бурхан-толгой, Жаргалант Хайрхан, Рашантын Ам; Тарималт, Шивээт Цанхир-I (Турбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У., 2003, т. 107–108, 271; Хурэлсух С., Мунхбаяр Л., 2004, т. 20–23, з. 1–2; Гунчинсурэн Б. и др., 2005; Хурэлсух С., 2008, т. 297, з. 2, 3, 10; Törbat Ts., et al., 2009; Турбат Ц., Батсух Д., Батбаяр Т., 2010) (рис. 7). Большую часть обозначенных «одиночных» погребений составляют скальные захоронения. Кроме того, в двух случаях отсутствие лошади в могиле зафиксировано при исследовании курганных объектов.

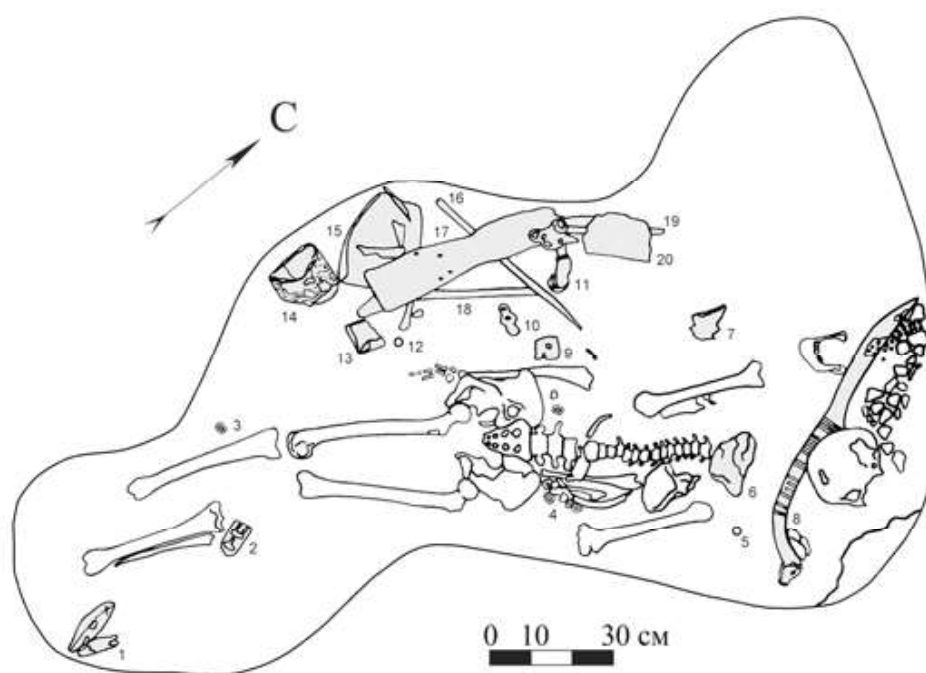


Рис. 7. Жаргалант Хайрхан (по: Törbat Ts. et al, 2009, fig. 6)

Большинством исследователей «одиночные» погребения в культуре раннесредневековых кочевников Центральной Азии связываются с обрядовой практикой, характерной для населения данного региона предшествующего времени, сохранившего традиции, не характерные для «алтайских тюрков» (Кызласов Л.Р., 1969. с. 22–23; Длужневская Г.В., Овчинникова Б.Б., 1980. с. 83; Нестеров С.П., 1990. с. 50). С.И. Вайнштейн (1966, с. 331), признав обоснованность такой

интерпретации, не исключил и того, что рассматриваемые объекты относятся к тюркской культуре. Г.В. Кубарев (2005, с. 19) подчеркнул, что ему известно только одно «одиночное» погребение данной общности на территории Алтая. Другие захоронения людей без лошади, раскопанные в указанном регионе, либо не отнесены археологом к тюркской культуре, либо остались за рамками его внимания. В то же время Г.В. Кубарев (2005, с. 19) упомянул о распространении «одиночных» погребений на территории Минусинской котловины. Немногочисленность «одиночных» захоронений на территории Монголии позволяет представить лишь общую характеристику таких объектов, а также наметить возможности их интерпретации, исходя из наблюдений, сделанных на материалах Алтае-Саянского региона.

При исследовании «одиночных» захоронений в Монголии отмечена как характерная для раннесредневековых тюрков восточная ориентировка умершего, так и выделенная традиция направления погребенного головой в северный сектор горизонта. В трех объектах зафиксировано конское снаряжение, уложенное рядом с человеком (Хурэлсүх С., Мунхбаяр Л., 2004; Хурэлсүх С., 2008, т. 297, з. 2, 3, 10; Törbat Ts., et al., 2009).

Рассмотрение гораздо более многочисленных «одиночных» захоронений раннего средневековья, исследованных в Алтае-Саянского регионе, позволило предложить несколько вариантов их интерпретации (Серегин Н.Н., 2013а, с. 105–106). Сделанные выводы дают некоторые основания для объяснения распространения данной традиции на территории Монголии. Погребения без лошади, зафиксированные на комплексах Бурхан-толгой и Тарималт, раскопаны в одной группе со «стандартными» захоронениями раннесредневековых тюрков (Турбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У., 2003, т. 107–108, 271; Гунчинсүрэн Б. и др., 2005). Это подтверждает заключение о том, что такие объекты относятся к рассматриваемой общности, и их специфика связана с какими-либо особенностями прижизненного положения человека. Не исключено, что отсутствие лошади могло объясняться низким социальным статусом умершего. При исследовании обозначенных погребений зафиксирован довольно «бедный» сопроводительный инвентарь, не включающий «престижных» категорий предметного комплекса.

Вместе с тем данное объяснение не может быть предложено при интерпретации скальных захоронений Монголии. В двух таких объектах зафиксирован весьма представительный сопроводительный инвентарь, включающий редкие и ценные изделия (Хурэлсүх С., 2008, т. 297, з. 2, 3, 10; Törbat Ts., et al., 2009; Турбат Ц., Батсүх Д., Батбаяр Т.,

2010). При этом два других подобных погребения были разрушены до обследования археологами, что не позволяет судить о первоначальном составе предметного комплекса (Хурэлсух С., Мунхбаяр Л., 2004, т. 20–23, з. 1–2). В случае со скальными объектами нельзя исключать наличие особых традиций ритуальной практики, которые и определили необходимость захоронения человека в отдаленном месте, а также отсутствие лошади. Отметим, что на сопредельных территориях Алтае-Саянского региона известны скальные погребения с разнообразным инвентарем и сопроводительным захоронением животного (Кызласов И.Л., 1986; Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М., 1996).

*Погребально-поминальные комплексы.* Наряду со «стандартными» и «одинокими» погребениями, на территории Монголии известен ряд раннесредневековых комплексов, интерпретация которых представляется неоднозначной. Одним из таких объектов является «ритуальный» курган №10 памятника Хар-Ямаатын-Гол, отличающийся отсутствием могильной ямы и каких-либо следов погребения под наземной конструкцией (рис. 8). Важно отметить, что данный комплекс исследован в одной группе с захоронением тюркской культуры (Кубарев Г.В. и др., 2007; Цэвэндорж Д. и др., 2008). Помимо характерной для рассматриваемой общности планиграфии, указанный объект характеризуется идентичным, по сравнению с соседним «стандартным» курганом, устройством наземной конструкции. Кроме того, в ходе разбора насыпи обнаружен бронзовый перстень, а также придонная часть лепного керамического сосуда. Таким образом, данный объект, несомненно, относится к культуре тюрков и пополняет список надежно атрибутированных «ритуальных» курганов раннесредневековых кочевников (Илюшин А.М., 1990, рис. 1; Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, с. 117, рис. VI.-24, 25; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 53.-14–21, 55.-7–8).

Вопрос о семантике подобных комплексов до сих пор остается открытым (Серегин Н.Н., 2010а). На наш взгляд, наиболее обоснованным представляется рассмотрение «ритуальных» курганов как своего рода «поминальных» кенотафов (Тишкин А.А., Грушин С.П., 1997, с. 25; Дашковский П.К., Грушин С.П., 1998; Дашковский П.К., Серегин Н.Н., 2008; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 267; Матренин С.С., 2005, с. 37). При этом целый ряд характеристик сближает «ритуальные» курганы не только с кенотафами, но также с «поминальными» объектами раннесредневековых тюрков. Для каменных оградок и «ритуальных» курганов достаточно распространенным признаком является наличие рядом, чаще всего с восточной стороны, нескольких балбалов.

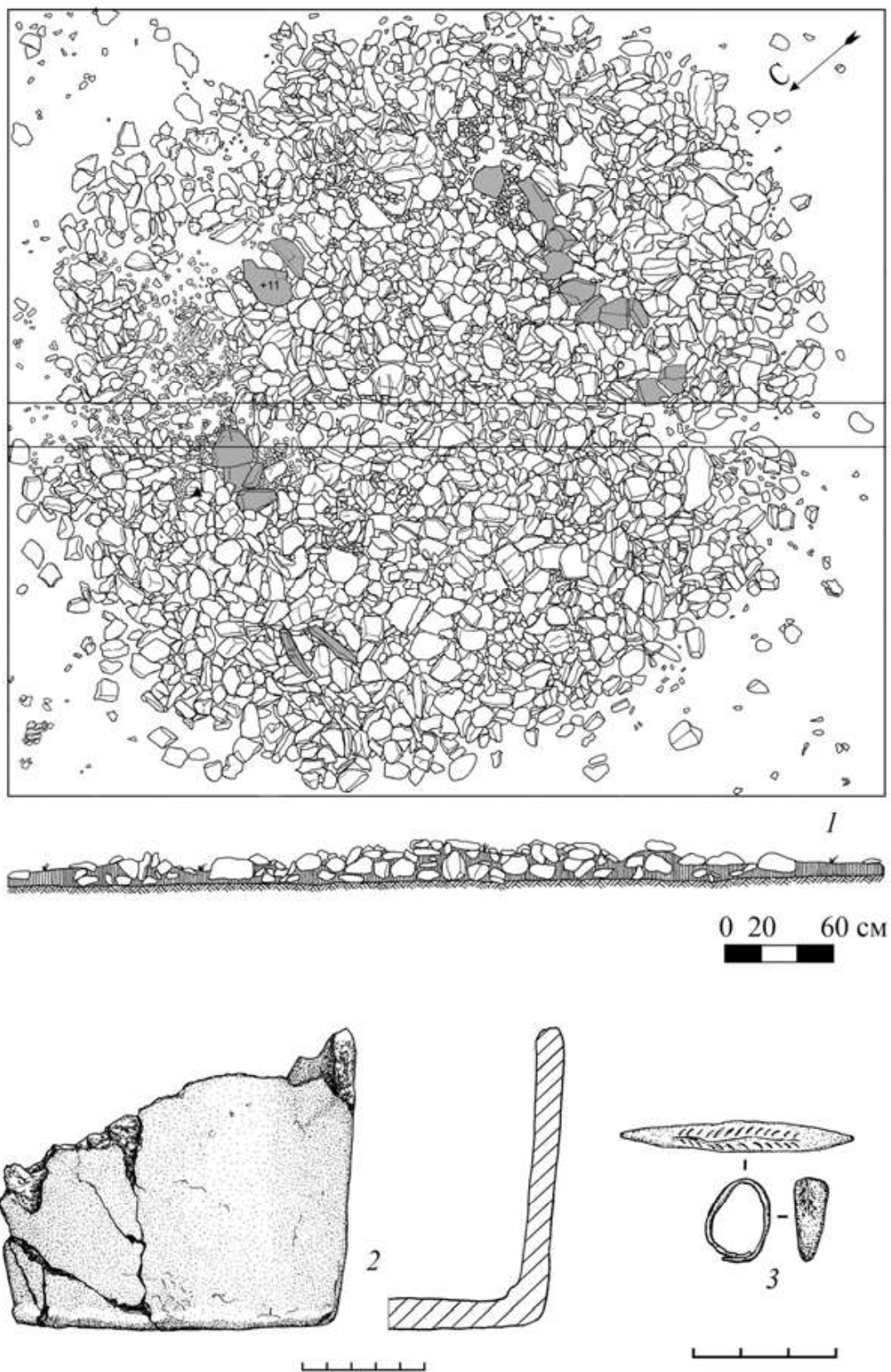


Рис. 8. Хар-Ямаатын-Гол, курган №10. 1 – план насыпи; 2–3 – предметный комплекс (по: Цэвдорж Д. и др., 2008, з. 8)

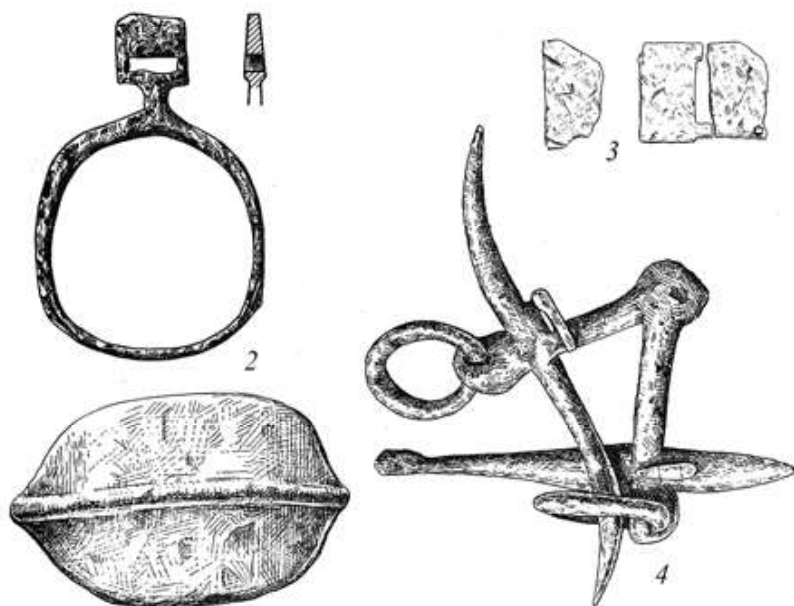
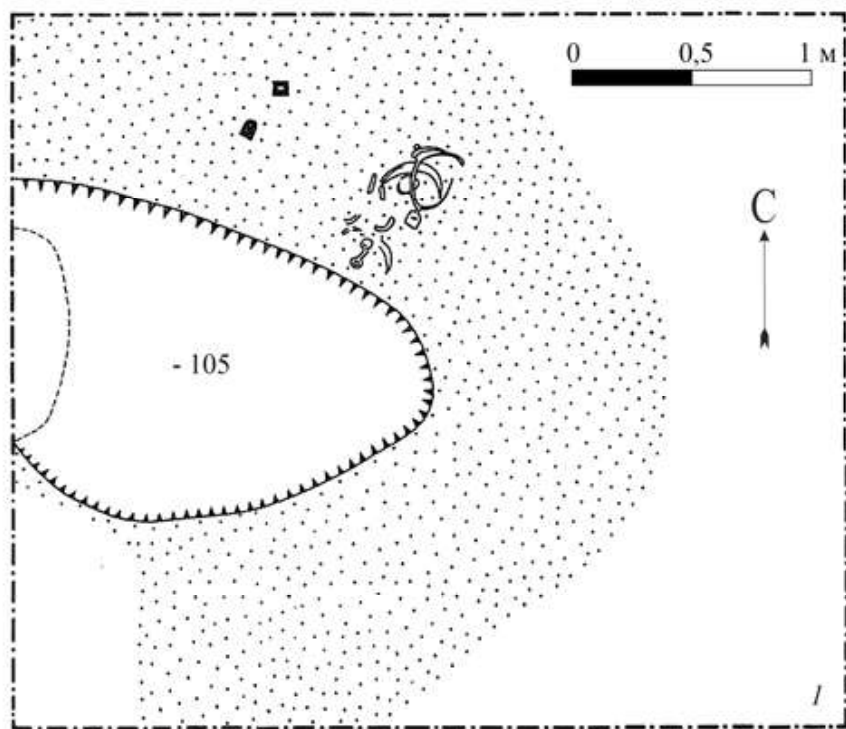


Рис. 9. Наймаа-Толгой. 1 – план объекта; 2–4 – предметный комплекс (по: Erdelyi I., Dorjsuren С., Navan D., 1967, fig. 39–42)

При исследовании одной из «пустых» насыпей были встречены части доспеха (Илюшин А.М., 1990, рис. 1), обнаруживаемые почти исключительно в кенотафах и «поминальных» оградках тюркской культуры. Следует отметить, что в тех случаях, когда в ходе раскопок «ритуальных» курганов зафиксированы датирующие предметы, объекты относятся к ранним этапам развития рассматриваемой общности – второй половине V–VI вв. Безусловно, данное обстоятельство не явля-

ется основанием для утверждения о принадлежности к этому времени и всех остальных подобных объектов. Вместе с тем не исключено, что традиция возведения «ритуальных» курганов на ранних этапах развития тюркской культуры была связана с представлениями, позже нашедшими отражение в сооружении «классических» кенотафов.

Следы погребения человека также отсутствовали в раннесредневековых объектах, раскопанных на комплексах Ваарт и Наймаа-Толгой в Центральной Монголии. В первом случае при исследовании херексура была зафиксирована отдельная яма, в которой находился небольшой деревянный ящичек с золотыми изделиями и фрагментами шелка внутри (Dorjsuren С., 1967, p. 429–430). На памятнике Наймаа-Толгой под насыпью кургана обнаружены кости лошади, элементы конского снаряжения, а также наконечник ремня (Erdelyi I., Dorjsuren С., Navan D., 1967, fig. 41). Не исключено, что данный объект представляет собой кенотаф (рис. 9).

*Заключение.* Таким образом, анализ особенностей погребально-го ритуала раннесредневековых тюрков Монголии позволил выделить несколько групп объектов. Отмеченное сосуществование нескольких устойчивых традиций обрядовой практики, безусловно, не является случайным. Выявленное сочетание показателей находит аналогии в материалах раскопок тюркских погребений на территории Алтае-Саянского региона. На наш взгляд, распространение нескольких традиций, выявленных среди погребений с лошадьё, а также «одиночных» захоронений демонстрирует неоднородность раннесредневекового населения. Не исключено, что археологические материалы отражают существование нескольких групп в составе культуры раннесредневековых тюрков, обусловленных сложными процессами формирования и развития данной общности.

N.N. Seregin

## **FUNERAL RITUAL OF EARLY MEDIEVAL TURKS IN MONGOLIA**

The article considers the study of the funeral rite recorded during research of burial complexes of early medieval Turks in Mongolia. The author analyses the materials of excavation of more than 30 objects that demonstrate various traditions of nomads' ceremonial practice in the region under consideration in the second half of I thousand AD. Emphasis is made on the allocation of two main groups of sites – graves with a horse and «single» burials. Special consideration is given to «ritual» barrows and cenotaphs that demonstrate the particular tradition of the rite. The author stresses that the existence of several steady traditions of ceremonial practice was not accidental. The noted combination of indicators finds analogies in the materials of excavation of Turkic burials in Altai-Sayan region. The

distribution of several traditions among graves with the horse and also «single» burials could be explained by heterogeneity of the early medieval population in Mongolia. It is possible that archaeological materials reflect existence of several groups in the early medieval Turkic culture. It was caused by the complicated processes of formation and development of the community.

*Key words:* early Middle Ages, Turkic culture, Mongolia, funeral rite, traditions of ceremonial practice.

### Библиографический список

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов. Новосибирск, 2003. 224 с.

Боровка Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 г. Л., 1927. С. 43–88.

Вайнштейн С.И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // Советская этнография. 1966. №3. С. 60–81.

Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.; Л., 1966. Т. II. С. 292–334.

Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М., 1996. 152 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 146 с.

Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961. 94 с.

Грач А.Д. Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени // Тюркологический сборник. М., 1966. С. 188–193.

Гумилев Л.Н. Алтайская ветвь тюрков-тугию // Советская археология. 1959. №1. С. 107–114.

Гунчинсурэн Б., Марколонго Б., Пужетта М., Базаргур Д., Болорбат Ц. Турэгийн уед холбогдох хоёр булшны тухай (О двух курганах тюркского периода) // Археологийн судлал. 2005. Т. XXIII. Т. 104–112.

Дашковский П.К., Грушин С.П. Кенотафы пазырыкского времени Горного Алтая // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока: тез. докл. XXXVIII регион. арх.-этнограф. студ. конф., посвящ. 90-летию академика Алексея Павловича Окладникова. Барнаул, 1998. С. 51–52.

Дашковский П.К., Серегин Н.Н. Кенотафы кочевников Алтая в эпоху поздней древности и раннего средневековья // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе: сб. ст. / под ред. П.К. Дашковского. Барнаул, 2008. С. 83–100.

Длужневская Г.В., Овчинникова Б.Б. Кочевое население Тувы в раннем средневековье // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980. С. 77–94.

Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции). СПб., 2013. 232 с.

Дубровский Д.В. Идея рядности в культуре кочевников Центральной Азии // Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, наследие). Улан-Удэ, 2005. С. 91–101.

Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. М., 1952. №24. С. 72–120.

Евтюхова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX в. // Советская археология. 1957. №2. С. 207–217.

Ермоленко Л.Н. Древнетюркская оградка, изваяние, балбалы как культовый комплекс // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 166–168.

Илюшин А.М. Хронология и периодизация ритуальных курганов Горного Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 117–119.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. 346 с.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984. 230 с.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. 400 с.

Кубарев Г.В., Со Гилсу, Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Лхундев Г., Баярхуу Н., Ким Хый Чхан, Канн Сом, Чжон Вон Чхоль. Исследование древнетюркских памятников в долине реки Хар-Ямаатын-Гол (Монгольский Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2007. Т. XIII. С. 298–303.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969. 211 с.

Кызласов И.Л. Новый вид погребальных памятников Южной Сибири // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С. 100–129.

Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. С. 115–129.

Матренин С.С. Способы захоронения населения Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005. Вып. 2. С. 35–51.

Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 28–43. (Археология СССР).

Москалев М.Н., Табалдиев К.Ш., Митько О.А. Культура средневекового населения внутреннего Тянь-Шаня и сравнительный анализ с сопредельными регионами Центральной Азии. Бишкек, 1996. 259 с.

Наван Д., Сумьябаатар Б. Овог монгол хэл бичийн чухаг дурсгал. Уланбаатар, 1987. 155 т.

Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск, 1990. 143 с.

Овчинникова Б.Б. К вопросу о захоронениях в подбоях в средневековой Туве // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1983. С. 60–68.



Овчинникова Б.Б. Древнетюркские захоронения в подбоях в Центральной Туве // Древний и средневековый Восток. История, филология. М., 1984. С. 215–223.

Олзийбаяр С. Огооморийн уйгур булш // Туухийн судлал. 2007. Т. XXXVII. Т. 26–31.

Подосинов А.В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999. 720 с.

Савинов Д.Г. Древнетюркские племена в зеркале археологии / Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. С. 180–343.

Серегин Н.Н. К вопросу об интерпретации «ритуальных» курганов (по материалам тюркской культуры) // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2010а. Вып. IV. С. 78–83.

Серегин Н.Н. Погребальный ритуал кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Т. 9. Вып. 5: Археология и этнография. 2010б. С. 171–180.

Серегин Н.Н. «Одиночные» погребения раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии: этнокультурная и социальная интерпретация // Теория и практика археологических исследований. 2013а. Вып. 2(8). С. 100–108.

Серегин Н.Н. Социальная организация раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов). Барнаул, 2013б. 206 с.

Серегин Н.Н. Изучение и интерпретация погребальных комплексов раннесредневековых тюрков Монголии (историографический аспект) // Теория и практика археологических исследований. 2014. №1(9). С. 101–114.

Соловьев А.И. Исследования на могильнике Усть-Чоба-I на Средней Катунь // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. №4. С. 123–133.

Сэр-Оджав Н. Эртний Турэгууд (VI–VIII зуун). Улаанбаатар, 1970. 115 т.

Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек, 1996. 256 с.

Тишкин А.А., Грушин С.П. Что такое кенотаф? // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. Вып. 2. С. 24–28.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003. 430 с.

Турбат Ц. Морьтой нэгэн оршуулга // Археологийн судлал. 1998. Т. XVIII. Т. 130–134.

Турбат Ц. Турэгийн уеийн археологийн соёл // Талын морьтон дайчдын ов соёл. Улаанбаатар, 2014. Т. 27–43.

Турбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У. Эгийн голын сав нутгийн археологийн дурсгалууд. Улаанбаатар, 2003. 295 с.

Турбат Ц., Батсух Д., Батбаяр Т. Скальное захоронение с музыкальным инструментом в Монгольском Алтае (предварительные оценки) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ, 2010. С. 264–265.

Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск, 2004. 152 с.

Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М. Балтарганские находки // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. №3. С. 46–53.

Худяков Ю.С., Лхагвасурэн Х. Находки из древнетюркского погребения в местности Загал в Монгольском Алтае // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2002. №8. С. 94–105.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. Новосибирск, 2009. 293 с.

Худяков Ю.С., Турбат Ц. Древнетюркское погребение на памятнике Элст Хутул в Северной Монголии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск, 1999. Вып. 2. С. 82–87.

Хурэлсух С. Монгол нутах дахь агуйн эртний оршуулгын судалгааны байдал // Археологийн судлал. 2008. Т. XXVI. Т. 293–310.

Хурэлсух С., Мунхбаяр Л. Рашаантын Ам ба Цанхирын агуйн оршуулгууд // Acta Historica. 2004. Т. V. Т. 20–30.

Цэвэндорж Д., Кубарев В.Д., Лхундэв Г., Кубарев Г.В., Баярхуу Н. Хар Ямаатын Түрэгийн үеийн дурсгалуудын малтлагын үр дүн // Археологийн судлал. 2008. Т. XXVI. Т. 262–273.

Цэвэндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц. Археология Монголии. Уланбаатар, 2008. 239 с.

Эрдэнэбаатар Д., Турбат Ц., Худяков Ю.С. Древнетюркское впускное погребение на памятнике Эгин-Гол в Северной Монголии // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ, 2004. Вып. 2. С. 175–181.

Эрдэнэболд Л., Одбаатар Ц., Анхбаяр Б. Овор хавцалын амны турэг булш // Нуудэлчдийн ов судлал. 2010. Т. X. Fasc. 9. Т. 125–132.

Dorjsuren C. An early medieval find from Northern Mongolia // Acta archaeologica. 1967. Т. XIX. P. 429–430.

Erdelyi I., Dorjsuren C., Navan D. Results of the Mongolian-Hungarian archaeological expeditions 1961–1964 (a comprehensive report) // Acta archaeologica. 1967. Т. XIX. P. 335–370.

Törbat Ts., Batsükh D., Bemmann J., Höllmann T.O., Zieme P. A Rock Tomb of the Ancient Turkic Period in the Zhargalant Khaikhan Mountains, Khovd Aimag, with the Oldest Preserved Horse-head Fiddle in Mongolia – a Preliminary Report // Current Archaeological Research in Mongolia. Bonn, 2009. P. 365–383.

М.Б. Кожа

*Международный Казахско-Турецкий университет*

*им. Х.А. Ясави, г. Туркестан*

## **ОГУЗСКИЕ ПОМИНАЛЬНЫЕ ХРАМЫ**

В низовьях р. Сырдарьи на территории Кызылординской области Республики Казахстан сохранились оригинальные архитектурные памятники: башнеобразные сооружения Бегим-Ана, Узынтам, Сараман-Коса, которые по всем параметрам отличаются от традиционных мусульманских мавзолеев Средней Азии и Казахстана. Первые две по-